

Наши
интервью

ЖИЗНЬ МОЯ, ДРАМАТУРГИЯ...

Почти полвека назад состоялся литературный дебют Гани Абдулло. А вскоре в журнале «Садон шарк» появится произведение мемуарного характера, написанное им. Между этими страницами писательской биографии Г. Абдулло — ряд пьес, выдвинувших его в число ведущих драматургов Таджикистана. Чтобы узнать о некоторых «секретах» творческой неутомимости Г. Абдулло, заглянуть в его драматургическую лабораторию, с ним встретился наш корреспондент К. Костин.

— Давайте начнем с самого начала. Как вы стали драматургом и навсегда остались им?

— Может, это произошло от молодости, от неопытности, от незнания, как трудно ремесло драматурга, но в начале 30-х годов я взял и написал пьесу «Вахш» — о пионерах Вахшстроя. О пьесе узнал Бруно Ясенский. Он тоже писал о Вахшстрое и удивился смелости, дерзости дебютанта, сразу обратившегося к такой ответственной и сложной теме. Ясенский прочел мою пьесу, сделал добрые и критические замечания, в целом очень обнадежив меня. Затем он сказал обо мне, о моих первых шагах в литературе с высокой трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей, делегатом которого того и я.

После этого, пожалуй, впервые всерьез я поверил в собственные драматургические возможности, пришел к мнению, что, видимо, театр и есть мое место в литературе. С той поры, хоть и с небольшими отклонениями, стараюсь данного мнения придерживаться. Незгладимое впечатление, добавлю, произвело на меня знакомство с Всеволодом Вишневским. Вот что был драматург и пример, образец для других драматургов! И вот кто окончательно обратил меня в театральную-писательскую «веру».

— Наибольший общественный резонанс вызвали ваши

пьесы историко-революционной тематики. За них вам присуждена Государственная премия Таджикской ССР им. А. Рудаки. Как вы пришли к ним?

— Я считаю, что в творчестве по большому счету невозможно без какой-то глобальной цели, которая способна захватить тебя всего, выявить предел, что ли, твоих способностей. Так стала моей тема революционных преобразований в Средней Азии, тема воздействия на ее народы ленинских идей. Тема отражения этих идей в самых различных образах (опять же, применительно к среднеазиатскому материалу) — от лиц исторических — Фрунзе, Держинского, Абдулло Рахнмбаева до собирательных, вымышленных.

Конечно, порой меня одолевали сомнения: а не слыхнуть ли я пытаюсь замануться? Тема-то сложнейшая, и в ее освоении я иду по «первопутку». Да возможно ли вообще, в принципе, справиться с ней? Все-таки оказалось — можно. Много времени провел в архивах Москвы, Ташкента, Душанбе, встречался с очевидцами тех, сейчас уже давних, но для меня чрезвычайно близких и волнующих событий. И работал, работал...

Безусловно, первая моя работа, главная роль для моих пьес — образ Владимира Ильича Ленина. Я стремился, прежде всего, показать нераздельность в нем государственных и сугубо человеческих черт, его искреннее, заботливое, принципиальное — подлинно партийное! — отношение к событиям и людям любого «уровня», умение видеть в малом великое и наоборот.

— Драматург немислим без театра, где ставятся его пьесы. Что касается ваших произведений, то их трудно представить без Таджикского академического театра драмы им. А. Лахути...

— Вы правы. Именно здесь я вырос, «окреп» как драма-

тург, практически усвоив законы сцены. Театр им. А. Лахути, лаборатория советской таджикской пьесы, стал и моей творческой лабораторией. Никогда не забуду замечательно-го артиста Асли Бурханова, впервые воплотившего на таджикской сцене образ Ленина, работавшего над этой ролью истоиво, вдохновенно, с редкой актерской тщательностью. А Мухаммеджан Касымов! Это ведь был какой-то огонь, так переплавлявший слабые каждой роли, что она обретала, казалось, предельные завершенность и единственность. Как он играл, например, Мадаминбека («Пламя революции»), способного понять, что за Советской властью — будущее и в таком коренном для себя прозрении держащегося с гордостью и достоинством человека огромной силы духа.

Много труда вложил в спектакли и режиссер Ходжикул Рахматуллаев. Понятно, не одни лахутинцы обращались к написанному мною. Особенно хочется выделить Республиканский русский драматический театр им. Вл. Маяковского. В «Урагане», поставленном года четыре назад на его сцене, играли актеры еще двух театров — им. А. Лахути и Молодежного им. М. Вахидова. Необходимость подобного ансамбля была обусловлена самой пьесой, в которой действуют герои разных национальностей. Театр стремился к подлинности, точности воплощения еще одной страницы спеннической Ленинианы, торжества ленинских интернациональных принципов.

— В ваших пьесах, наряду с документальностью исходных событий, можно встретить элементы острой интриги, мелодрамы и так далее. Видимо, они — от желания еще более «приблизить» происходящее на сцене к зрительному залу, вызвать в нем живейший отклик?

— Я бы сказал так: от желания, первостепенно приме-

нительного к искусству, творчеству — взволновать зрителя, сделать его как бы соучастником событий. Именно здесь заключена одна из основных правд и достоинств искусства. Я не теоретик, я практик драматургии и не взвешиваю, сколько от какого жанра положено иметь в той или иной своей пьесе. Пишу так, как чувствую сердцем. С другой стороны, нисколько не даю персонажам «своевольничать», всегда ориентирую их и себя на магистральные задачи пьесы.

Пусть, если действительно надо, если иначе просто нельзя, мои герои и плачут, и смеются. Мое самое заветное желание — чтобы они выглядели на сцене (к чему я их, собственно, и готовлю) не манекенами и рафинированными в жанровом отношении, а живыми людьми. Пусть они увлекаются, ошибаются, но в любом случае живут где-то возле предела эмоций и способности к активной реакции на те или иные события...

— По-моему, здесь совсем близко ответ на вопрос, почему вы так сроднились с драматургией, почему до сих пор получаете от нее импульсы к активным творческим действиям...

— Да, драматургия — это движение, действие, борьба, жизнь, яркие и волевые характеры, актуальные, значительные проблемы и непреходящие нравственные ценности. И лет мне уже немало, и здоровье пошаливает, но сажусь за пьесу — и во мне вместе с ее героями почти физически ошутимо прибавляется сил. Я живу, молодею, стремлюсь вперед вместе с ними. И ошибаюсь порой, чего греха таить, ведь пьесы писать трудно, очень трудно. Надо было прожить столько десятков лет, чтобы окончательно утвердиться в таком мнении. Но вот, однако, пишу и не могу иначе. Задумал пьесу к 60-летию образования СССР. В центре ее — вновь образ Ильича...